

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ДОРОГОЙ
ЧАНДАНА

Александр Романович Беляев

Дорогой Чандана

Аннотация

«Ночь была темная. Низкие облака закрывали небо. Под утро на фоне посеревшего неба обозначились бамбуковые заросли, а перед ними – очертания бунгало.

Перед верандой на площадке расположились, как изваяния, полуголые индусы. Первым у ступенек сидел худой и высокий старик. Его одежда состояла из набедренника и небольшого тюрбана. Это был райот (крестьянин) – арендатор Ашока. Он забрался сюда с вечера, чтобы занять первую очередь. Рядом с ним – его сосед Нанде, еще молодой индус с черными лохматыми волосами и задумчивыми грустными глазами, а дальше – Бандусар, рыжеватый, широкоплечий человек с вывороченными ноздрями широкого носа и раздвоенной губой...»

Содержание

I. Господин младший коллектор	4
II. Скачки с препятствиями	8
III. Краснорубашечник	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Беляев

Дорогой Чандана

I. Господин младший коллектор

Ночь была темная. Низкие облака закрывали небо. Под утро на фоне посеревшего неба обозначились бамбуковые заросли, а перед ними – очертания бунгало.

Перед верандой на площадке расположились, как изваяния, полуголые индусы. Первым у ступенек сидел худой и высокий старик. Его одежда состояла из набедренника и небольшого тюрбана. Это был райот (крестьянин) – арендатор Ашока. Он забрался сюда с вечера, чтобы занять первую очередь. Рядом с ним – его сосед Нанде, еще молодой индус с черными лохматыми волосами и задумчивыми грустными глазами, а дальше – Бандусар, рыжеватый, широкоплечий человек с вывороченными ноздрями широкого носа и раздвоенной губой.

В бунгало медленно и важно пробили часы. Пять... В тот же момент стеклянная дверь распахнулась, и на веранду вышли два полицейских-туземца в френче, форменной фуражке, шароварах и туфлях на босу ногу. Полицейские стали по обе стороны двери, вытянув руки по швам. Джемс любил торжественность!

Джемс был сыном земиндара (туземного помещика) и занимал должность младшего коллектора, совмещающего в своем лице и сборщика податей, и судью, и начальника полиции, и другие обязанности. Женат он был на метиске – дочери индуски и чиновника-англичанина. В сущности говоря, Джемс не был даже Джемсом, у него имелось туземное имя, но он поставил целью своей жизни походить во всем на англичанина и потому присвоил себе английскую фамилию.

Едва двери дома открылись, райоты поднялись и замерли в напряженном ожидании. Мистер Джемс явился – свежий, чисто выбритый. Своим темно-карим глазам он старался придать суровое, неумолимое выражение. Одет он был в легкий фланелевый костюм. В руке держал дымящуюся сигару. На минуту он остановился в дверях, сощурил презрительно глаза, – совсем как мистер Кент, старший коллектор, – и решительными шагами прошел к столу, стоявшему у барьера. Следом за Джемсом просеменил черный, как жук, мальчик-туземец. Он положил на стол две большие толстые книги.

Джемс раскрыл толстую книгу, на которую индусы смотрели почти с суеверным ужасом.

– Кто первый? – спросил он.

Ашока подошел к барьеру веранды (всходить на веранду туземцам было строжайше запрещено) и назвал себя.

– Ашока?.. Гм... Ашока... – бормотал Джемс, перелистывая книгу. – Так... С тебя еще не получен налог за прошлый

год.

– Но в прошлом году был неурожай, – ответил Ашока дрожащим от волнения голосом.

– Поэтому тебе и дана была отсрочка. Срок прошел, и за тобой уже накопилась пеня.

– Но ведь в этом году тоже, можно сказать, неурожай.

– Об этом годе будет особый разговор. Ты не уплатил налог и за этот, и за прошлый год – и сегодня же твое имущество будет описано.

– Прошу вас, подождите, пока я сниму урожай, – Ашока низко поклонился.

– Следующий! – резко крикнул Джемс.

Ашока повел острыми плечами, как будто ему стало холодно.

– Дома ни одного коури! Подождите хоть до завтра!

– Завтра? Это последний срок.

Ашока низко поклонился, повернулся и, чтобы соблюсти приличие, медленно пошел по дорожке. Но по мере того, как он удалялся от бунгало, шаги его ускорялись. Длинные ноги старика, почти не сгибавшиеся в коленях, двигались, как ходули. Когда же он вышел на шоссе, то вдруг побежал так быстро, словно за ним гнались все дикие звери джунглей.

А перед верандой Джемса стоял уже новый проситель. Джемс очень быстро разбирал дела. Мольбы на него не действовали. Он давал отсрочку только на одни сутки, да и то лишь потому, что в этот день ему было лень заниматься опи-

сью имущества.

Все просители поступали так же, как и Ашока: получив отсрочку на один день, отходили от веранды и бежали следом за стариком.

Через час площадка опустела.

В одиночестве поработав на веранде еще с полчаса, Джемс отправился в деревню. Полицейский следовал за ним по пятам.

На полях шли работы. Завидев Джемса, райоты поворачивались к нему лицом и низко кланялись. Они не принимались за работу, пока он не проходил мимо.

Но когда Джемс вошел в деревню и твердым начальственным шагом направился вдоль жалких, слеplенных из грязи и крытых соломой хижин, эти звуки начали замирать, как меркнут краски с наступлением темноты. Взрослые, завидев издали его фигуру, старались незаметно скрыться или, отве- шивая поясные поклоны, сворачивали с пути.

Джемс сметал всех со своего пути, как ветер сметает сухие листья. Знакомое сладостное чувство власти хмелило. Он казался себе иным, высшим существом. За ним стояла вся мощь Британской империи.

II. Скачки с препятствиями

Ашока бежал по шоссе со скоростью зайца. Свернув с шоссе, старик побежал межойю по косогору, спускавшемуся к небольшой, почти пересохшей речке. Следом за Ашокой, приподняв руки и подпрыгивая, бежал Нанде, а за ним грузно топотал угрюмый Бандусар, дальше трусил охавший старик, еще дальше молодой индус, скаливший ослепительно-белые зубы. Несмотря на зной, пыль и раздражение, эти люди пытались еще шутить.

– Смотри, как выбрасывает свои длинные ноги Ашока! Совсем как верблюд на Пенджабской дороге! – крикнул молодой индус, ни к кому не обращаясь.

И чей-то голос ответил за его спиной:

– Навострился! Каждый год так-то бегают к Назир-хану. Многолетняя практика.

А Ашока уже домчался до речки и, разбрызгивая воду, побежал по каменистому дну. Остановиться бы на мгновение, зачерпнуть в пригоршню воды и освежить пересохший рот. Но нет, нельзя. Обгонят... И Ашока, стиснув зубы, первым взбегает на пригорок.

Не все побороли искушение. Несколько человек остановились у реки и начали жадно пить. Эта река явилась как бы границей человеческой выносливости: немногие, перебравшись на ту сторону, нашли в себе силы бежать с прежней

скоростью. Устал, смертельно устал Ашока. Но он собирал последние силы, потому что видел уже перед собою дом Назир-хана.

Ростовщик Назир-хан был очень влиятельным лицом во всем округе. Он давал райотам-арендаторам займы деньги под чудовищные проценты и был неизбежен как смерть. Назир-хан процветал. Он скупал земли, продавал в городе слонов, буйволов и рис, отнятых у райотов за долги. Каждый день он выдавал в долг известную сумму денег, и ничто не могло заставить его выдать хотя бы одну рупию сверх этого. Тот, кто опаздывал, не получал ничего. Кредит на тяжких условиях был наградой победителю в бегах.

Назир-хан, с лицом, похожим на бурдюк, сидел в тени веранды и зорко поглядывал на дорогу.

– Назир-хан!.. Дай десять рупий.

Ашока говорил хриплым задыхающимся голосом и цеплялся дрожащими руками за перила, чтобы не упасть. Но в душе старик торжествовал: он оказался первым.

Ростовщик не спеша надел очки, раскрыл толстую книгу и сказал:

– Я дам тебе займы только в том случае, если ты в залог дашь твоего слона. Сколько тебе надо? Десять. Напиши расписку на тридцать. Срок полгода и поручишься слоном.

Ашока отшатнулся. Отдать в залог слона! Слон составлял все его богатство!

– Я и так отдам. Не надо слоном!

– Как хочешь. Тебе что? – обратился он к подбежавшему Нанде.

Но тот ничего не мог выговорить и только хрипел. Чья-то рука протянулась из-за его спины, и послышался грубый голос Бандусара:

– Три рупии... мне... запишешь шесть.

Ашока видел, что нельзя терять ни минуты, и, ударив ладонью о перила, с болью в душе крикнул:

– Согласен! Пиши расписку со слонем! – И тихо прошептал себе в бороду: – Чтоб тебя кобра ужалила в печенку, кровопийца!

Десять серебряных монет жгли руку Ашоки. Он сразу словно постарел, щеки втянуло, глаза провалились. Едва переступая разбитыми ногами, брел он по дороге. Теперь ему некуда было спешить.

Только вечером, перед заходом солнца, Ашока добрался до своей хижины. Посреди двора поднимался навес на столбах, под которым сидел его сын Крихна, красивый юноша с черными волосами, спускающимися до ушей, орлиным носом и темными быстрыми глазами. А в углу около дома приемная дочь Ашоки Бульбуле кормила ветками слона. Слон медленно брал ветки, скручивая хобот, и отправлял их в пасть. Глядя на эту мирную картину, Ашока вздохнул.

Когда-то у него была большая семья: шесть сыновей и четыре дочери, но все они, кроме Крихны, умерли в разное время от холеры, чумы, малярии, укуса змей и голода. Умер-

ла и жена. Лет двенадцать назад, когда полдеревни вымерло от чумы, соседка привела к нему во двор Бульбуле, оставшуюся круглой сиротой, и сказала, что мать Бульбуле, умирая, просила его, как соседа, не оставить ее дочь. Ашока сам голодал со своим сыном и начал было отказываться, но маленькая черноглазая, живая, как обезьянка, девочка очень понравилась Крихне, и он упросил отца оставить ее. Подростая, Бульбуле становилась хорошей хозяйкой.

Ашока кашлянул. Крихна посмотрел на него испытующе, но ничего не спросил, ожидая, что отец скажет сам. Но Ашоке трудно было говорить. Он быстро пересек двор, вошел в хижину, положил деньги в глиняный горшок, бросился на солому. Крихна и Бульбуле через дверь осторожно поглядели на старика. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами.

– Спит. Устал, – прошептал Крихна. – Придется подождать до вечернего костра.

III. Краснорубашечник

За деревней находилось большое огороженное место, куда загонялся на ночь скот. В нескольких десятках метров от ограды начинались джунгли. Тигры нередко делали набеги на деревню и убивали животных и людей. А так как туземцам строжайше запрещено иметь какое-либо оружие, то единственной защитой от страшных хищников был огонь. На поляне, между оградой и лесом перед наступлением темноты зажигался большой костер, пламя которого поддерживалось всю ночь. Этот костер являлся своего рода клубом дам односельчан. После тяжелых дневных работ собирались они сюда отдохнуть, побеседовать, посоветоваться. Многие общественные дела разрешались тут же. Ближе к огню, полукругом, лицом к лесу (спиной к лесу сидеть боялись) важно восседали старики, за ними молодежь и еще дальше, скрываясь в тени, подростки и женщины.

Крихна не ошибся: когда стемнело, Ашока встал и поплелся к костру. За ним туда же пошел и Крихна. Старик-райоты беседовали вполголоса. Они жаловались на тяжелые времена и обсуждали события последнего дня: сколько кто взял займы у ростовщика, за какие проценты и под какой залог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.